

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-189-198

О различии подходов Сёрля и Дюркгейма к описанию социальной реальности

А. А. Санжениаков

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Сравнивается социальная онтология Джона Сёрля с социальной теорией Эмиля Дюркгейма. Показано, что по ряду характеристик подход Сёрля схож с подходом Дюркгейма. Общим является отказ от редукционизма социального к индивидуальному, внимание к языку как одному из наиважнейших условий появления социальной реальности, признание неосознанности и автоматизма в принятии правил социальной интеракции ее участниками. Несмотря на это, различия между концепциями Сёрля и Дюркгейма, безусловно, имеются, и в силу этого мы не можем отрицать потенциального влияния аналитической философии в лице Дж. Сёрля на социальную теорию. В качестве основания, из которого возникает это разночтение, указано на изменившееся ко времени Сёрля понимание науки и уровня объективности научных изысканий.

Ключевые слова

социальная онтология, индивидуальная интенциональность, коллективная интенциональность, социальный факт, институциональный факт

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-78-10082)

Для цитирования

Санжениаков А. А. О различии подходов Сёрля и Дюркгейма к описанию социальной реальности // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 2. С. 189–198. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-189-198

© А. А. Санжениаков, 2019

On the Difference of the Approaches of Searle and Durkheim to the Description of Social Reality

A. A. Sanzhenakov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the comparison of the social ontology of John Searle with the social theory of Emile Durkheim. It was shown that the approaches of Searle and Durkheim have a number of similar features. These common features are the rejection of reductionism of the collective to the individual, attention to language as one of the most important conditions of the emergence of social reality, the recognition of unawareness and automatism in accepting the rules of social interaction by its participants. However, there are certainly differences between the conceptions of Searle and Durkheim, and therefore the possibility of influence of analytic philosophy represented by Searle on social theory is obvious. As the basis from which this discrepancy arises, the author points to the understanding of science and the level of objectivity of scientific research that have changed since by the time of Searle.

Keywords

social ontology, individual intentionality, collective intentionality, social fact, institutional fact

Acknowledgements

Work is performed with financial support of RSF (project № 18-78-10082)

For citation

Sanzhenakov A. A. On the Difference of the Approaches of Searle and Durkheim to the Description of Social Reality. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 189–198. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-2-189-198

Свою книгу «Конструирование социальной реальности» Джон Сёрль начинает с признания, что вот уже много лет его занимает проблема существования определенной части реальности, которая представляет собой набор объективных фактов, существующих лишь в силу соглашения между людьми. В качестве примера он приводит деньги, частную собственность, правительство, институт брака. Он называет их «объективными», поскольку

ку их существование не зависит от личных предпочтений и оценок¹. Подобные факты существуют только благодаря соглашению между людьми и именуются «институциональными», поскольку их существование обеспечивается наличием определенных человеческих институтов (например, института денег). В отличие от них, грубые или же «неинституциональные» факты (такие как факт наличия снега и льда на вершине Эвереста) никоим образом не зависят от человека и его институтов. Чтобы ответить на вопрос, как возможно существование институциональных фактов, Сёрль создает фундаментальную онтологию, первым кирпичиком которой является интенциональность – «способность разума представлять объекты и состояния мира иначе, чем они есть сами по себе» [Searle, 1995. Р. 6–7]. Благодаря интенциональности, человек налагает на окружающие его вещи функции, которые по природе им не свойственны. Например, я могу использовать камень как пресс-папье, хотя в самом камне помимо его тяжести нет специфических качеств, которые предрасполагали бы его к такой роли. Помимо индивидуальной существует коллективная интенциональность, благодаря которой возможно существование социальных фактов и социальной реальности в целом.

Как полагает Сёрль, феномен коллективной интенциональности присущ как животным, так и людям. Точнее говоря, он присущ многим видам животных и в особенности нашему виду. Суть коллективной интенциональности заключается в том, что несколько субъектов разделяют между собой такие интенциональные состояния, как верования, желания и намерения. Подобные совместные состояния появляются, когда субъект что-либо делает не только и не столько из собственных намерений, сколько из общих намерений, присущих какому-то множеству людей. Так, виолончелист в оркестре играет свою часть как часть общей симфонии. Другой пример, если я нападающий игрок в футболе, то я буду вступать в борьбу

---

¹ Тем самым он снимает традиционное противопоставление природного и человеческого («*physis* – *nomos*» в терминологии софистов) и задает специфическое содержание понятию «объективное», что не в последнюю очередь обеспечивается введением онтологической и эпистемической объективности и субъективности [Сёрль, 2004. С. 73–75].

с защитником, но моя борьба с ним будет частью *нашей* общей игры. Второй пример важен, потому что в отличие от первого он показывает, каким образом возможна кооперация при видимой конфронтации. Несмотря на то, что на первый взгляд у участников конкурса или соревнования разные цели, они тоже представляют собой пример коллективной интенциональности, потому что они разделяют общее устремление к первому месту или к набору наибольшего количества очков. Для лучшего разъяснения того, чем кооперация не является, приводится пример с нападением – злоумышленник подкрадывается сзади к ничего не подозревающей жертве и нападает на нее. Поскольку здесь нет «мы намерения», этот случай не подпадает под определение кооперации и не включает коллективную интенциональность [Ibid. P. 23–24].

Представляется логичным описывать коллективную интенциональность как сумму индивидуальных интенциональностей (« S^1 верит, что x » + « S^2 верит, что x » + ... + « S^n верит, что x ») или же как кросс-референтную интенциональность («я верю, что он верит, что я верю, что он верит...»). Однако именно этот способ расценивается Сёрлем как неправомерный. С его точки зрения, нельзя «мы интенциональность» редуцировать до «я интенциональность». Причина в том, что коллективная интенциональность уже является простым явлением (дословно цитируя, «биологически примитивным феноменом»), и поэтому не может быть редуцирована или сведена к чему-то еще [Ibid. P. 24]. Главный довод Сёрля против редукации коллективной интенциональности к индивидуальной интенциональности заключается в том, что мое верование в то, что другой верит, что я верю и т. д. – является недостаточным, чтобы составить чувство коллективной интенциональности. Никакой набор верований и убеждений «Я сознания» не может стать «Мы сознанием». В целом, «моя коллективная интенциональность» выражается просто в «мы намерены сделать», а не в «я верю, что мы с S намерены сделать».

Несмотря на то, что при построении своей онтологии Сёрль широко обращается к собственной ранее разработанной понятийной системе, есть исследователи, которые высказывают сомнение в новизне его подхода

по сравнению с разработанным столетием ранее подходом французского социолога Эмиля Дюркгейма [1990]. Сёрль, с одной стороны, признает некоторое влияние своего знаменитого предшественника, с другой стороны, он резко отрицает обвинения в том, что его онтология ничего не добавляет к концепции социального факта и понятию коллективных репрезентаций Дюркгейма.

Первым, кто заговорил о связи идей Дюркгейма и Сёрля, был профессор Гарвардского университета Нил Гросс, который высказал свои соображения в статье с неприятным названием «Комментарий на Сёрля» [Gross, 2006]. Как отмечается во введении к статье, отличия между Сёрлем и Дюркгеймом, безусловно, есть, но сходства между ними важнее различий. Какие именно сходства между теориями этих авторов обнаруживает Гросс? Прежде всего, общим является отказ от редукционизма социального к индивидуальному. Дюркгейм полагает, что социальные факты представляют собой уникальную онтологическую область, которая не может быть сведена к психологии индивидов, и будучи внешним к индивиду, тем не менее, оказывает на него сильное воздействие [Дюркгейм, 1990. С. 412]. При этом он «не предполагал существование какого-то коллективного разума» и не поддавался иным «нелегитимным онтологизациям» [Gross, 2006. P. 47], т. е. не скатывался к реализму. И в этом взгляды французского социолога также сходятся с убеждениями Сёрля, согласно которому коллективная интенциональность вовсе не предполагает существования «некоего гегелевского мирового духа» [Searle, 1995. P. 25].

Следующим объединяющим фактором является особая роль языка в формировании социальной реальности, которую отмечают оба автора [Lukes, 2007. P. 191]. Так, для Сёрля было очевидно, что язык является необходимым для создания институциональной реальности [Searle, 1995. P. 59], хотя есть два обстоятельства, не подтверждающие справедливость этого заявления: во-первых, животные, у которых отсутствует язык, тем не менее участвуют в кооперации; во-вторых, язык, будучи также институтом, требует для своего создания язык, что является порочным кругом. Дюркгейм тоже верил, что язык по преимуществу является единственным кана-

лом трансляции коллективных репрезентаций, а также в то, что он есть частный случай социального факта [Дюркгейм, 1990. С. 412]. В то же время он вряд ли бы согласился, что животные могут участвовать в кооперативной деятельности: «Коллективная привычка существует не только как нечто имманентное ряду определяемых ею действий, но по привилегии, не встречаемой нами в области биологической, она выражается раз и навсегда в какой-нибудь формуле, повторяющейся из уст в уста, передающейся воспитанием, закрепляющейся даже письменно» [Там же. С. 416].

Далее, оба исследователя полагали, что многие социальные роли выполняются нами автоматически, т. е. без особой рефлексии относительно их содержания. По этому поводу Дюркгейм замечает, что довольно часто «нам неизвестны детали налагаемых на нас обязанностей, и для того чтобы узнать их, мы вынуждены справляться с кодексом и советоваться с его уполномоченными истолкователями» [Там же. С. 412]. Для объяснения того факта, что участники социальной интеракции не осознают тех правил, по которым они действуют, Сёрль вводит специальное понятие «фона» (the Background) способностей, возможностей, тенденций и диспозиций. Это связано с тем, что мы рождаемся и живем уже в созданной до нас социальной реальности и пользуемся уже имеющимися институтами. Чтобы использовать деньги, нам не нужно каждый раз конституировать институт денег, накладывать на купюры и монеты соответствующие функции. Нам не нужно этого делать, потому что до нас это уже было сделано, и мы просто присоединяемся к общей практике использования денег, не задумываясь об этом. Еще одна причина неосознанного включения в институты состоит в том, что создание институциональных фактов обычно есть дело естественной эволюции (a matter of natural evolution). «Деньги постепенно развиваются таким образом, что мы не можем этого отследить. Это не тот случай, когда в один прекрасный день мы все решили считать клочки бумаги деньгами» [Searle, 1995. P. 126].

Вопреки очевидным сходствам, которые только что были нами рассмотрены, Сёрль считает, что его собственная теория все-таки значительно отличается от подхода Дюркгейма. Прежде всего Сёрль обращает внимание на то, что в отличие от теории Дюркгейма в его социальной онтологии

существует онтологическое единство мира. Также он полагает, что у Дюркгейма нет четкого представления ни об индивидуальной, ни о коллективной интенциональности (коллективных репрезентациях, если говорить языком Дюркгейма), потому что он не дал ответа на следующие вопросы: каково их пропозициональное содержание? какова их психологическая модель? Он не объяснил их самореферентность, а значит, упустил из виду их конститутивную природу. Далее, Сёрль вменяет в вину Дюркгейму отсутствие разграничения между онтологической субъективностью и эпистемической объективностью, между «грубыми» фактами (*brute facts*) и институциональными фактами, а также между регулятивными и конститутивными правилами [Searle, 2006]. Но, пожалуй, больше всего он протестует против «принудительности» социальных фактов Дюркгейма и резко отказывается видеть что-то подобное в своей социальной онтологии. В самом деле, социальная реальность, в понимании Дюркгейма, обладает ярко выраженными чертами «тоталитарности» – она принуждает, навязывает, подчиняет. «Мы принимаем и усваиваем их (верования и обычаи предыдущих поколений. – А. С.), потому что они, как творение коллективное и вековое, облечены особым авторитетом, который мы вследствие воспитания привыкли уважать и признавать. А надо заметить, что огромное большинство социальных явлений приходит к нам этим путем» [Дюркгейм, 1990. С. 416]. Дюркгейм придает столь большое значение принудительной власти социального факта, что готов признать это свойство главным его отличительным признаком. «Социальный факт узнается лишь по той внешней принудительной власти, которую он имеет или способен иметь над индивидами» [Там же].

Сёрль заявляет, что эта точка зрения Дюркгейма является ошибочной и прямо противоположна его взгляду. В то время как социальный факт, по Дюркгейму, находится вне индивидуального сознания и оказывает на него принудительное воздействие, институциональный факт Сёрля локализован исключительно в сознании индивидов и не может иметь принудительной силы. Напротив, он характеризует институциональные факты как «разрешающие» (*enabling*) и «уполномочивающие» (*empowering*)

[Searle, 2006. P. 57]. В силу того, что мы находимся внутри социальных институтов, это «разрешающее» качество институтов нам может быть недоступно, и мы даже можем чувствовать ограничения, налагаемые правилами институтов. Однако, говорит Сёрль, необходимо помнить, что институты не столько ограничивают нашу деятельность, сколько создают саму возможность этой деятельности, которая в случае отсутствия этих институтов просто не могла быть реализована.

В этом месте следует напомнить о разделении регулятивных и конститутивных правил. Согласно Сёрлю, регулятивные правила призваны упорядочить уже имеющуюся деятельность, а не конструировать новую. Например, к таковым относятся правила дорожного движения, которые лишь определяют принципы вождения, но не создают само по себе вождение, именно поэтому мы можем водить как по правилам, так и вопреки им. Иначе говоря, нарушение регулятивных правил не ведет к разрушению той деятельности, которую они регулируют. Поэтому нарушение этих правил не ведет к разрушению регулируемой ими деятельности. Конститутивные правила в свою очередь создают саму возможность осуществлять ту или иную деятельность. Классический пример конститутивных правил – правила игры в шахматы, создающие возможность игры. Поэтому нарушение таких правил приводит к тому, что регулируемая ими деятельность становится невозможной [Searle, 1995. P. 27–28]. Институциональные факты, полагает Сёрль, существуют исключительно в рамках конститутивных правил, и именно поэтому они являются скорее разрешающими, нежели принуждающими.

Подводя итог, хочется отметить, что различия между концепциями Сёрля и Дюркгейма, безусловно, имеются, и в силу этого мы не можем отрицать потенциального влияния аналитической философии в лице Дж. Сёрля на социальную теорию. Однако следует также показать основания возникшего разночтения, основания, благодаря которым Сёрль смог создать нечто новое, отличное от социологии XIX в. Мы полагаем, что эти основания скрыты в общем понимании науки и научности, которое ко времени Сёрля в значительной степени претерпело изменения. Представляется, что, создавая свою социальную теорию, Дюркгейм руково-

дствовался классической научной парадигмой, согласно которой исследуемый предмет должен рассматриваться с объективистской точки зрения. Именно поэтому он настаивал на том, что социальные факты суть «вещи» (*choses*): «...социальные явления суть вещи, и о них нужно рассуждать как о вещах. Достаточно указать, что для социолога они составляют единственное *datum*. Вещью же является все то, что дано, представлено или, точнее, навязано наблюдению. Рассуждать о явлениях как о вещах – значит рассуждать о них как о данных, составляющих отправной пункт науки. Социальные явления бесспорно обладают этим признаком. Нам дана не идея, создаваемая людьми о стоимости, – она недоступна наблюдению, – а стоимости, реально обмениваемые в сфере экономических отношений» [Дюркгейм, 1990. С. 432]. Подобная объективистская точка зрения к середине XX в. значительным количеством западных философов была пересмотрена. Элементы субъективизма встречаются не только в гуманитарных и социальных науках прошлого века, но и проникают в естественные науки (см., например: [de Regt, 2009]). Сёрль, вводя различие между онтологической субъективностью и эпистемической объективностью, был одним из выразителей этой тенденции.

Список литературы / References

- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. Л. Б. Гофмана. М.: Наука, 1990.
- Durkheim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii [The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method]. Moscow, 1990. (in Russ.)
- Сёрль Дж. Рациональность в действии / Пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Searle J. R. Ratsionalnost v deistvii [Rationality in Action]. Moscow, 2004. (in Russ.)
- Gross N. Comment on Searle. *Anthropological Theory*, 2006, vol. 6. no. 1, p. 45–56.

- Lukes S.** Searle versus Durkheim. In: Tsohatzidis S. L. (ed.). *Intentional Acts and Institutional Facts. Theory and Decision Library.* Dordrecht, Springer, 2007, p. 191–202.
- Regt H. W. de.** Understanding and Scientific Explanation. In: Regt H. W. de, Leonelli S., Eigner K. (eds.). *Scientific Understanding: Philosophical Perspectives.* Pittsburgh, Uni. of Pittsburgh Press, 2009, p. 21–42.
- Searle J. R.** *Construction of Social Reality.* New York, Simon and Schuster, 1995.
- Searle J. R.** Searle versus Durkheim and the waves of thought: reply to Gross. *Anthropological Theory*, 2006, vol. 6, no. 1, p. 57–69.

Материал поступил в редколлегию

Received

10.04.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Александр Афанасьевич Санженakov, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Alexander A. Sanzhenakov, Candidate of Science (Philosophy), Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

sanzhenakov@gmail.com